

• Автор: [Мария Энгстрем](#)

[«Ежовая империя» и «Атомное православие»](#)

1 марта 2018 года войдет в историю как начало нового этапа развития отношений России с Западом. В своем Послании Федеральному Собранию Владимир Путин объявил о новом цивилизационном повороте и революционной программе технологического развития страны, о создании Россией новейших систем ядерного вооружения, в корне меняющих стратегический баланс сил на планете.

Аналитики и эксперты отметили отход Путина от традиционалистско-популистской риторики и [назвали](#) эту новую доктрину «консервативно-технологической», причем консервативной является не столько внутренняя, сколько внешняя политика, направленная на усиление и защиту суверенитета.

Действительно, в этом Послании не упоминаются традиционные ценности и скрепы, православие или другие конфессии, не цитируются, как в предыдущих Посланиях, консервативные философы. Сложно не заметить, что общее настроение Послания – не обращение в прошлое, к истории России, традиционному укладу, «новым средним векам» и изоляции, а футуризм, устремление в будущее, создание новых правил глобальной игры и нового миропорядка.

Долгосрочная, она же предвыборная программа, предложенная в этом Послании Путиным, предполагает технологическую цифровую революцию, масштабные индустриальные проекты и развитие

инфраструктуры, формирование европеизированного среднего класса, создание по всей стране сети культурно-образовательных и музейных комплексов, экологическое благополучие, вовлеченность и новый коллективизм. Во внешней политике научно-техническая революция призвана обеспечить России лидерство в сфере военных технологий, укрепить ее статус как ядерной сверхдержавы и нейтрализовать военно-стратегическую гегемонию США. В Послании подчеркивается, что развитие новейшего ядерного оружия совершается якобы с целью нейтрализации угроз и в ответ на выход США из договора о противоракетной обороне. Путин называет шесть видов нового оружия, среди которых межконтинентальные ракетные комплексы нового поколения «Авангард», «Сармат» и «Кинжал», чьи названия – символическая отсылка к русскому авангарду и скифству.

«Ежовая империя»

Эта «космонационалистическая» модель, где культурно-технологическое благополучие, социальный порядок и открытость миру сочетаются с концепцией «осажденной крепости» и созданием жесткого оборонного панциря, близка к ряду доктрин, сформулированных радикально-консервативными футуристами. Начиная с середины 1990-х годов модели государства такого типа развивались кругом «консервативных авангардистов» – контркультурными публицистами, философами, художниками и музыкантами Москвы и Петербурга.

Впервые подобный путь развития страны был предложен в середине 1990-х эстетическими провокаторами и главными визионерами того периода – Сергеем Курехиным и Александром Дугиным. Объявив, что единственно актуальной формой искусства является политика, Курехин в 1995 году присоединился к Национал-большевистской партии Эдуарда Лимонова, Александра Дугина и Егора Летова (НБП). Концепция развития России, которую национал-большевики хотели представить власти, была обозначена ими как «ежовая империя».

Дугин [пишет](#): «Последним проектом в политической сфере, которым мы занимались накануне трагической гибели Сергея, было развитие петербургско-российско-патриотически-интеллектуально-философской идеи и встреча с Путиным. Хотя тогда мы мало представляли, кто такой Путин. Хотелось включиться в большую политику, чтобы патриотизм был интеллектуальным, высококультурным, а культура была патриотичной. Это резюме поздней позиции Курехина, идея империи «ежового типа», заключающаяся в жесткости политики вовне и процветании искусства, поэзии, мягкости и деликатности внутри. В сочетании патриотизма с культурой Курехин видел свою миссию. Строительство такой империи мы хотели предложить Путину».

В другом интервью Дугин [поясняет](#): «Мы с ним [Курехиным] разработали модель империи «ежового» типа, которая поворачивается своими ракетами, своими жесткими танками, своими линкорами. А внутри там процветают музы, ходят фавны, а в гротах мелькают хвосты русалок».

Модель социального и эстетического государства, сформулированная Дугиным и Курехиным в несколько экстравагантной форме, соответствующей духу времени, предполагала обращение к концепциям «модернизация без вестернизации», «Россия – это Европа без Запада» и отражала характерное для консервативных революционеров 1990-х годов стремление к синтезу авангарда и традиции, развитых западных технологий и патриотизма. Согласно этой доктрине, внутренняя жизнь страны должна была быть абсолютно свободной и европейской, ориентированной на лучшие образцы мировой интеллектуальной мысли и искусства. Жесткая «ежовая» внешняя политика и антиамериканизм должны были обеспечить суверенитет и гармоничное развитие новой русской культуры и общества. Призыв авангардных художников и поэтов к созданию «железного панциря» объясняется тем, что к середине 1990-х годов многие представители контркультуры отошли от перестроечных иллюзий о мирной интеграции России и Запада. Следует напомнить, что одним из первых публичных выступлений против расширения НАТО была организованная Дугиным коллективная акция «Богема против НАТО» (1998 г.).

Новая русская доктрина, предложенная Путиным, во многом напоминает «ежовую империю» Дугина-Курехина. Действительно, контраст в Послании 2018 года трудно не заметить – во внутренней политике упор делается на развитие светского, интеллектуального, свободного, культурного и высокотехнологического общества, встроенного в глобальную постиндустриальную экономику, а во

внешней – на жесткое противостояние всем тем силам (прежде всего Америке), которые, по мнению российской власти, представляют собой угрозу суверенитету России. Путин [подчеркивает](#), что технологическую революцию в ядерном вооружении не стоит рассматривать как агрессию или угрозу безопасности, но только как меру защиты: «Мы никому не угрожаем, ни на кого не собираемся нападать, ничего ни у кого, угрожая оружием, не собираемся отнять: у нас у самих все есть».

Здесь также следует отметить, что концепция «Россия – это Европа без Запада», которая прочитывается в первой – «либеральной» – части Послания не является чем-то новым. Она [отражает основное направление](#) российской культурной политики посткрымского периода.

«Атомное православие» и диктатура сверхиндустриализма

Другой радикально-консервативной концепцией развития России, которая предполагает синтез высоких технологий и патриотизма, была идеологическая модель, получившая название «Русская доктрина». Она была представлена в 2005 году Виталием Аверьяновым, Максимом Калашниковым и Андреем Кобяковым, которые позднее, в 2009 году, создали Институт Динамического Консерватизма (ИДК). Аверьянов [формулирует](#) «Русскую доктрину» следующим образом: «Суть предлагаемой нами идеологии и программы преобразований — формирование кентавра ортодоксии и инновационной экономики, высокой духовности и высоких технологий. В таком кентавре проявится лицо той России, какой ей предстоит быть в XXI веке. Его носителем должен выступить новый атакующий класс — имперский, авторитарный, а не либерально-демократический. Это должен быть класс поддержки диктатуры сверхиндустриализма, не сменяющего промышленный уклад, а нарастающего над ним как его продолжение и развитие».

Еще одна идеологическая модель, которая проступает сквозь бюрократический язык Кремля, – это мессианская доктрина «Атомного православия», сформулированная в 2007 году консервативным публицистом Егором Холмогоровым. Само словосочетание «Атомное православие» принадлежит не Холмогорову, а художнику Алексею Беляеву-Гинтовту, который именно так назвал одну из картин цикла «Новоновоосибирск» 2001 года (в соавторстве с Андреем Молодкиным).

Согласно Холмогорову, миссия сегодняшней России как Третьего Рима – охранять мир от Четвертого, который будет уже не Римом, а Вавилонской блудницей: «Быть “третьим” – это призвание и неотменяемое место русских в истории. Смысл этого места в том, чтобы не допустить «четвертого», стоять на посту и всех возможных кандидатов на римский скипетр отгонять пинками, дубинкой и ядерными ракетами [...] любая «четвертая», не-русская идея была и будет воплощением зла и мучительным концом для мира. Так причудливо преломляется в нашем имперском сознании византийская идея катехона – удерживающего мир. Того, кто стоит на мосту, отделяющим Антихриста от мира и не впускает Антихриста в мир. Сегодня это скорее уже не мост, а люк, у которого время от времени начинает шевелиться крышка и оттуда начинает вылазить то вампир, то оборотень, то какой-нибудь призрак-убийца. Кирзовый русский сапог наступает на эту крышку, и на какое-то время воцаряется тишина, потому что лезущая тварюка знает, что если она высунется слишком сильно, то русскому нипочем будет и рвануть весь этот мир вместе с нею. Потому что «четвертому не бывать», и если до нас был потоп, то после нас только Апокалипсис».

Холмогоров [подчеркивает](#) необходимость «сопротивления злу насилем», приветствует союз православной концепции Катехона (Удерживающего) и военного комплекса Российской Федерации, видя в этом союзе осуществление русской катехонической миссии.

Главный пункт в концепции «Атомного православия» – разоблачение заповеди о смирении как серьезной опасности для русской нации и русской государственности: «Давно пора понять, что перенос заповеди о смирении на национальную и государственную политику доброго результата не дает и не может дать [...] Цель государств и народов состоит в том, чтобы быть железным панцирем, стальным коконом, в котором существует, свободно действует и спасает душу человек [...] Свободней всего человек в том государстве, которое наиболее жестко подавляет или способно подавлять своих врагов. Смирением всего может быть тот человек, чей загранпаспорт «читают и завидуют» и за любую обиду которому его страна пришлет в любой уголок мира пару авианосцев. Трусливый и забитый человек смиренным быть не может, как не может быть целомудренным скопец».

Для Холмогорова развитие и укрепление военного щита России является вопросом «сакральной индустриализации» и агиополитики, т.е. вопросом духовного характера. Поэтому тот факт, что советская атомная бомба была разработана в научном институте, созданном по приказу Сталина на территории Саровского монастыря, связанного с именем Серафима Саровского, одного из главных русских святых, оценивается как промысел Божий.

Технологическое возвышенное

Актуальность различных доктрин консервативных футуристов, сформулированных в 1990-х и 2000-х годах, не случайна. В ситуации посткрымской поляризации в отношениях с Западом приобретают новое значение именно эти утопические проекты, предполагающие прямой идеологический/метафизический конфликт между Россией и Америкой как двумя мессианскими цивилизациями. К тому же общий стиль Послания – романтическая милитаризованность и мужественность – характерен для мизогинных право-консервативных движений, таких как национал-большевизм и неоевразийство.

Риторика «рывка» и нового «общего дела», снижение религиозной (женской) эмоциональности и ее замена на технологическую (мужскую) хорошо отвечают как локальной, так и глобальной повестке. В российском контексте Послание как долгосрочная программа развития отражает важнейшую задачу, стоящую сегодня перед Кремлем, – создание новой технократической бюрократии. Именно этому были посвящены главные кадровые инициативы 2017 года – конкурс «Лидеры России» и возрождение института наставничества. В глобальном контексте отказ от риторики духовных скреп и выбор авангардно-милитаристской визуальности резонирует с новым цивилизационным языком военно-космического футуризма, предлагаемым Америкой в лице Илона Маска и его космической авантюры.

теги

[Putin](#)

[Dugin](#)

[conservatism](#)

[eurasianism](#)

категории

[Politics](#)

Использование материалов интернет-издания "Intersection" путем их полного воспроизведения разрешается только с разрешения редакции Intersection - intersection@intersectionproject.eu